

Смоленска. ... С восточной стороны стена подкапывается выборкою глины, песку гравию, что, конечно, ускоряет разрушение и этой части стены. Да, новые люди выявляют свою «культурность» в скобках. А попробуй стань на защиту столь варварской деятельности, сейчас попадешь в неблагонадежные, благо, изобретено для этой цели немало громоотводов» [1, с. 278].

Однако и в последние свои годы В.И. Грачев, по мере своих сил, участвовал в борьбе за сохранение уникального памятника истории и культуры. Так, 8 июня 1931 г. он «участвовал по осмотру башен стены в комиссии Коммунального отдела» [1, с. 154].

Подводя итог, следует отметить, что Василий Иванович Грачев сделал многое как для исследования истории, так и для сохранения Смоленской крепости. Сведения, содержащиеся в документах, составленных им на основе регулярных осмотров стены, позволяют составить более полное представление о том, что происходило с ней в первые годы советской эпохи, какие утраты она понесла, как происходил процесс разрушения отдельных её участков и каковы были причины этого. Также, данные документы помогают нам лучше понять какие меры предпринимались властями, как местными, так и центральными для спасения уникального памятника фортификационного зодчества в непростой период нашей истории.

1. Дневник смоленского краеведа Василия Ивановича Грачева / Дневник смоленского краеведа. – Смоленск: Край Смоленский, 2019. – 368 с.
2. Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук. Рукописный отдел (НА ИИМК РАН РО). – Ф. 67. Оп. 1. Д. 6.
3. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). – Ф. 350. Оп. 1. Д. 4.
4. ОПИ ГИМ. – Ф. 350. Оп. 1. Д. 5.
5. ОПИ ГИМ. – Ф. 350. Оп. 1. Д. 51.
6. ОПИ ГИМ. – Ф. 350. Оп. 1. Пояснительная записка.

Бицадзе Н.В. ИКОНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

За последние десятилетия не только значительно расширился круг материалов, которые могут быть использованы исследователями в качестве исторического источника, но и усовершенствовались методы их обработки. Большой прогресс в этом отношении связан, несомненно, с прорывным развитием компьютерных технологий, а также с новыми подходами в области теории информации. Однако, до сих пор существует ряд специфических источников, изучение которых достаточно сложно формализовать, «компьютеризировать». Это, в первую очередь, касается изобразительных материалов, при создании и изучении которых принципиальную роль играет личностный, субъективный фактор. Одним из таких источников является икона, которая может дать специалисту многообразный материал как для изучения некоторых аспектов материальной культуры, так для того, чтобы делать выводы, лежащие в сфере культуры духовной.

Будучи материальным объектом, икона дает возможность судить о развитии технологии живописи. При этом анализируются материал и методы обработки доски, форма шпонок, использовании тех или иных пигментов, наличие или отсутствие паволоки и левкаса (а также его состав), способы нанесения предварительного рисунка на иконную доску и др. В этом отношении огромный опыт накоплен реставраторами, в чьих руках имеется сегодня богатый инструментарий – химические исследования, рентген, специальная фотография, возможности компьютерной обработки данных и пр. Важная информация технико-технологического характера содержится в толковых иконописных подлинниках, в большом количестве отложившихся в отделах рукописей музеев, научных библиотек и архивов, в монастырских ризницах и частных собраниях. Подлинники самым внимательным образом изучаются реставраторами, их время от времени публикуют. Между специалистами идет постоянный обмен информацией, итоги кропотливой работы выносятся на общественный суд на реставрационных советах и научных конференциях.

Обращаются к иконе и те специалисты, которых волнуют «этнографические» реалии той или иной эпохи. Они ищут на иконе изображения предметов быта, бытовых сцен, анализируют изображения воинских доспехов, плавательных средств, архитектурных сооружений. И здесь уже тоже есть немалые успехи. Первыми оценили возможности иконы как исторического источника исследователи архитектуры. Среди них С.В. Вереш [3], М.И. Мильчик [7; 8; 9] и др. В свет вышли их работы об этапах формирования ансамбля Соловецкого монастыря на основе изучения икон второй половины XVI – начала XVIII в. с изображением обители. Исследователи М.В. Щепкина. [11], А.С. Косцова и А.Г. Побединская [5; 6], отмечают достаточно подробное, грамотное изображение на житийных иконах святых-основателей монастырей конкретных монастырских ансамблей. Со знанием дела, реалистично иконописцы пишут деревянные постройки, крепостные и храмовые сооружения. Позднее к исследователям средневековой архитектуры присоединились и другие специалисты. Достаточно вспомнить хотя

бы работы по традиционному судостроению А.В. О कोरोкова [4; 10], который в качестве одного из источников исследования привлекал изображения плавсредств на иконах.

Сложнее обстоит дело с изучением иконы как источника исследований в области духовной культуры. Тут нет разработанной методики исследования, много зависит от уровня компетенции специалиста, в оценках того или иного явления высок процент субъективизма. Тем не менее, и здесь исследователями накоплен ценный опыт, опираясь на который, можно делать осторожные выводы о смене векторов общественного развития, о нарастании или угасании религиозности в разных группах населения, о специфике религиозных воззрений в различных регионах страны и влиянии на них многообразных факторов. Все это находит свое воплощение и в религиозной живописи, которая, несмотря на наличие канона, своими специфическими средствами чутко реагирует на современные ей изменения в устроении общества.

В качестве примера можно обратиться к иконе Русского Севера, которая, в силу целого комплекса географических, социальных, экономических и культурных обстоятельств, дает исследователю богатый и интересный материал для реконструкции некоторых аспектов духовной жизни населения этого региона.

По мере постепенного экономического (промышленного) освоения территории Русского Севера, «монастырской колонизации» данного региона в традиционной культуре русского населения шли важные процессы трансформации. С одной стороны, традиционная культура, приспосабливалась к новым формам хозяйствования, новым климатическим условиям, новым культурным влияниям соседних народов, в том числе народов Крайнего Севера, и в силу этого приобретала новые черты. С другой стороны, в новых, непривычных, условиях в традиционной культуре отходили на второй план или вообще отмирали те ее черты, которые не способствовали адаптационным механизмам, но зато активизировались, возрождались ее ядерные структуры, лежащие в основе ментальности русского народа. В результате в культуре русского населения Севера, Поморья можно наблюдать разнообразные черты, некоторые из которых, казалось бы, прямо противоречили друг другу, но на практике довольно мирно сосуществовали. Это и православные воззрения, и пережитки язычества, и старообрядческие взгляды, и западное влияние. И в северной иконе можно найти подтверждение сказанному.

Языческие пережитки проявлялись в особом, практически магическом, отношении к иконе. Ее занавешивали, когда в дом заходил чужой человек; свою икону прихожанин приносил с собой на службу и не позволял никому другому на нее молиться, а после службы ее уносили с собой; проводя различные обряды, икону упоминали в заговорах. В малозаселенных, глухих районах, в которых было тяжело добраться до храма и получить помощь священника, перед иконой исповедовались, вычитывали скитское покаяние.

Как влияние язычества можно расценить и широкое распространение культа тех святых, которые в сознании наших предков превратились в «заместителей» языческих богов. Такое «замещение» шло по разным схемам. Иногда при наложении друг на друга церковного и сельскохозяйственного календаря православные святые становились покровителями домашних животных, разнообразных ремесел и видов хозяйственной деятельности, как это произошло, например, с Параскевой Пятницей, ставшей вместо богини Макоши (Мокоши) покровительницей женских рукоделий и торговли, и со св. Георгием, который берег стада от «съедения». Иногда этому сближению способствовало созвучие имен, как в случае со св. Власием, чье имя напоминало имя славянского бога-покровителя стад Велеса (Волоса), в результате чего Власию стали молиться о защите и здоровье домашних животных. В каких-то случаях эпизоды жития святого подводили к тому, чтобы считать его «заместителем» языческого бога. Такая история произошла с пророком Илией, который был восхищен на небо в огненной колеснице, что позволило сблизить его образ с Перуном, который, как известно, разъезжал на огненной колеснице, производя гром. Многообразные прижизненные и посмертные чудеса св. Николая Чудотворца сделали его в сознании православных людей покровителем купцов, мореплавателей, детей, девушек на выданье, терпящих бедствие на водах. Но в языческом пантеоне все это входило в компетенцию бога Велеса (Волоса), что неминуемо привело к сближению этих персонажей. Именно иконы святых-«заместителей» языческих богов имели наиболее широкое хождение на Русском Севере.

Пережитком язычества можно считать и «специализацию» святых, к которым обращались в тех или иных случаях. Например, от зубной боли следовало молиться священномученику Антипе, от глазных болезней – святому апостолу Луке и архидиакону Лаврентию, от «трясовичной болезни» (лихорадки) помогал епископ Тарасий, от головной боли – пророк Иоанн Предтеча. К мученикам Гурию, Самону и Авиву обращались за помощью в тех случаях, когда «муж безвинно возненавидит свою жену», преподобный Виталий помогал в борьбе с «блудной страстью», от пьянства и запоя молились перед иконой «Неупиваемая чаша», а также мученику Вонифатию и преподобному Моисею Мурина, от пожара спасала икона Богородицы «Неопалимая купина» и др. Как отражение подобной практики можно рассматривать широкое бытование в народной среде «Целебников», икон с изображением святых и указанием того, в каких случаях им следует молиться.

Под влиянием изменившихся условий жизни в среде местного населения особую актуальность получили идеи «труда благого Христа ради», которые сближали трудовой подвиг с ратным подвигом и монастырской аскезой. Широкое распространение имели артельные идеалы. В результате на Русском Севере сформировался свой пантеон святых, жития которых как раз «транслировали», иллюстрировали данные идеи – это святые Зосима и Савватий, Варлаам Керетский, Артемий Веркольский, Иоанн и Лонгин Яренгские и другие. Их культ на Севере был очень широко распространен.

На Русском Севере большим авторитетом и влиянием пользовались старообрядцы, которых преследования со стороны властей вынудили искать спасения в глухих, малозаселенных местах Севера, Урала, Сибири. Как их влияние можно рассматривать напряженное внимание местного населения к проблемам эсхатологии и распространение икон на эту тему («Страшный Суд», «Апокалипсис», «Архангел Михаил – грозных сил воевода», «Плоды страданий Христовых», «Богородица Солнечная»). Благодаря почитанию в старообрядческой среде св. Харлампия на Русском Севере бытовало большое количество его икон, несмотря на запрет его почитания православной церковью.

Старообрядцы, жившие в напряженном ожидании скорого Страшного Суда, крайне серьезно относились к проблемам сохранения чистоты духовной и физической, поэтому в их среде и под их влиянием у иконописцев Русского Севера были очень популярны иконы и лубки на соответствующие сюжеты: «Двоесловие живота со смертью», «Смерть праведника и грешника», «Семь смертных грех», «Похвала девственникам».

Надежда на заступничество святых на Страшном Суде привела к распространению деисусных композиций. Но и здесь можно увидеть отголоски языческих влияний, которые выразились в широчайшем культе св. Николая Чудотворца (заместителя бога Велеса). В деисусных композициях, богословский смысл которые не всегда был понятен, вместо Иоанна Предтечи и даже самого Спасителя можно было увидеть изображения столь любимого местным населением св. Николы.

Западное влияние нашло свое отражение в проникновении в иконопись Русского Севера таких сюжетов, как «Грехи наши на Себе понесе» («Таинство Креста»), «Плоды страданий Христовых», «Лабиринт духовный». Правда, необходимо отметить, что понимание, трактовка и иконография подобных икон не оставались неизменными, они переосмысливались местным населением, адаптировались под их взгляды.

В рамках статьи невозможно осветить все аспекты, связанные с использованием иконы как исторического источника. Более подробно северная икона рассматривается в других работах автора [1; 2]. Подводя некоторые итоги, можно констатировать, что диапазон использования иконы в научных исследованиях необычайно широк, многообразен и может быть востребован в исторических, искусствоведческих и культурологических работах.

1. Культура русских поморов. Историко-культурологический анализ / В. В. Ануфриев [и др.]. – М., 2013.
2. Культура русских поморов. Опыт системного исследования / Э. Л. Базарова [и др.]. – М., 2005.
3. Вереш, С. В. Эволюция облика Соловецкого монастыря по его изображениям / С. В. Вереш // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. – М., 1980.
4. Дубровин, Г. Е. История северорусского судостроения / Г. Е. Дубровин, А. В. Окорочков. – М., 2001.
5. Косцова, А. С. Русские иконы XVI – начала XX века с изображением монастырей и их основателей. Каталог выставки / А. С. Косцова, А. Г. Побединская. – СПб., 1996.
6. Косцова, А. С. Русские житийные иконы XVI – начала XX века [ГЭ] / А. С. Косцова, А. Г. Побединская. – СПб., 1999.
7. Мильчик, М. И. Архитектура в древней живописи / М. И. Мильчик // Декоративное искусство СССР. – 1973. – № 2.
8. Мильчик, М. И. Архитектурный ансамбль Соловецкого монастыря в памятниках древнерусской живописи / М. И. Мильчик // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов / под ред. Д. С. Лихачева. – М., 1980.
9. Мильчик, М. И. У истоков древнерусской иконографии Соловецкого монастыря / М. И. Мильчик // Литература и искусство в системе культуры. – М., 1988.
10. Окорочков, А. В. Древнейшие средства передвижения по воде / А. В. Окорочков. – Калининград, 1994.
11. Щепкина, М. В. Соловецкий монастырь в изображении миниатюры XVI века / М. В. Щепкина // Соловецкий монастырь. Из архива П. Д. Барановского. – [М.], 2000.

Сукина Л.Б.

КУДА ИДЕТ ВОИНСТВО НЕБЕСНОГО ЦАРЯ? ТРУДНОСТИ ДЕШИФРОВКИ ОДНОГО ВИЗУАЛЬНОГО ИСТОЧНИКА

Известный французский медиевист Р. Фоссье, рассуждая о превратностях работы исследователей средневековья, заметил, что «мы всего лишь жертвы наших источников» и нередко подменяем их реальностью реальность исторической действительности [12, с. 209]. Но и реальность самого исторического источника нередко труднодоступна для ее познания современным ученым. В первую очередь, это касается визуальных источников, к которым историки-медиевисты обращаются ввиду недостатка информации в источниках письменных. В свое время много внимания специфике и сложности анализа визуальных источников уделил И.Д. Ковальченко. Он показал, что